

18+

Юлия Обухова

ТАНЕЦ БАБОЧКИ

Роман

Юлия Обухова
Танец бабочки. Роман

«Издательские решения»

Обухова Ю.

Танец бабочки. Роман / Ю. Обухова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500351-5

Главная героиня романа — талантливый психотерапевт по имени Софья. Несколько лет назад она пережила огромную личную трагедию. Ее любимый муж погиб в автокатастрофе. Софья до сих пор не может смириться с его потерей, но любимая работа и маленькие пациенты занимают все ее мысли и время. Лучшим подругам Софьи всё же удается вытащить ее немного отдохнуть в солнечную Италию, где после загадочной встречи с ясновидящей девушка узнает тайну, которая преследует ее всю жизнь.

ISBN 978-5-00-500351-5

© Обухова Ю.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава первая	8
Глава вторая	14
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Танец бабочки

Роман

Юлия Обухова

© Юлия Обухова, 2019

ISBN 978-5-0050-0351-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Ее всегда отличала легкость походки. Один из пациентов как-то сказал: «Софья Андреевна порхает, как бабочка, по клинике, окрашивая всё вокруг яркими красками. Более грациозной женщины я еще не встречал. Двигаться на высоких каблуках с такой бесконечной легкостью дано отнюдь не многим женщинам!» С тех пор многие за глаза стали ее ласково называть бабочкой. Она всегда располагала к себе не только пациентов, но и многочисленный персонал клиники. Коллеги охотно делились с ней своими проблемами и сокровенными тайнами, когда в их жизни наступали непростые времена и возникала острая необходимость излить душу.

Она всегда всем улыбалась при встрече, интересуясь, всё ли у человека хорошо. Причем ее вопросы всегда были искренними, а не для галочки, и люди, чувствуя это, вели себя с ней предельно открыто.

Ее нельзя было назвать роковой красавицей, воспламеняющей мужские сердца одним только взглядом. Совсем напротив, ее красота была нежной и спокойной. Она была подобна полевой ромашке, которая прекрасна сама по себе и не требует сравнения с другими изысканными цветами. Ее большие зеленые глаза с черными бархатными ресницами и всегда аккуратно уложенные блестящие каштановые волосы подчеркивали белизну ее кожи, а естественный легкий румянец придавал ее лицу какую-то детскую невинность.

Сейчас она направлялась к главному врачу клиники, и на ее лице читалась крайняя озабоченность предстоящей беседой.

– Поверьте, Софья Андреевна, я действительно не могу не восхищаться Вами, как Специалистом с большой буквы и человеком с огромным сердцем. Я вижу, как Вы стремитесь обогреть каждого ребенка и помочь всем детям, попадающим в Ваши руки, но я не в силах сделать в рамках нашего лечебного учреждения то, что Вы просите. Даже если предположить, что мы с вами общими усилиями найдем спонсора и оборудуем Вам кабинет согласно Вашей методике, в лучшем случае и меня и Вас уволят за недопустимые и не прошедшие согласования и многочисленные апробации эксперименты над детской психикой. Вы же, как никто, должны меня понять, – в очередной раз тактично ответил Софье «нет!» Степан Филиппович – главный врач клиники, в которой она работала клиническим психологом вот уже семь лет.

Собственно говоря, она уже не надеялась на положительный ответ, и сейчас была не более чем финальная попытка с ее стороны получить разрешение на размещение акустической комнаты для реабилитации детей, ведь у Софьи появился реальный спонсор, который был готов оплатить дорогостоящее оборудование.

Она понимала Степана Филипповича, который не готов был, подобно Дон Кихоту, сражаться с ветряными мельницами нашей системы здравоохранения. Он прекрасный специалист, кардиохирург, спасший многие детские жизни. Сейчас он продолжал проводить операции, но уже намного реже. В свои пятьдесят пять лет он заработал себе артроз суставов и, каждый раз отстояв в операционной по восемь-десять часов, выходил и в прямом смысле валился с ног. Весь следующий день он с трудом передвигался по клинике с перебинтованными коленями, но при этом никогда не говорил коллегам о том, как сильно его мучает недуг, однако все знали и относились к нему с заслуженным уважением. Софья понимала, что Степан Филиппович действительно бессилён в данном случае, и для нее наступило время искать альтернативные решения.

– Спасибо, Степан Филиппович, за всё! Я горжусь, что мне пришлось работать с Вами все эти годы. Вы прекрасный человек и справедливый руководитель, – с такими словами она достала из папки заранее заготовленное заявление об увольнении.

Это решение было осознанно. Может быть, она никогда бы не решилась уйти из своего отделения, если бы не череда событий, подтолкнувших ее к этому.

– Сонечка! – прочитав ее заявление, начал Степан Филиппович и, сняв очки, по-отечески посмотрел на нее. Возраст тронул паутинкой морщин кожу вокруг глаз, только подчеркнув их чистоту и ясный голубой цвет. Я знал, что когда-нибудь наступит такой момент, когда ты решишь уйти, и я понимаю, сколько сомнений было в твоём сердце, прежде чем ты приняла это решение. Я уверен, оно правильное. И запомни, ты никого не предаешь и не бросаешь, ты просто выросла из стен этой клиники и сможешь помочь еще большому количеству людей. Ты, подобно бабочке, должна парить на свободе, а не биться крыльями в стеклянной банке.

Совершенно вдохновленная и чувствующая поддержку человека, чье мнение для нее было крайне важным, она побежала к своим пациентам. Ведь ей предстояло закончить множество дел перед тем, как уехать туда, где ее уже ждали...

Глава первая

В каждом из ее маленьких пациентов скрывался целый волшебный мир, бесконечные вселенные – необъятные и прекрасные. Многие из них сейчас были с надорванными крыльшками и с банками грязных красок, вылитых на их когда-то солнечные миры, которые предстояло отмыть, и, к сожалению, это не всегда удавалось легко. К каждому из них, как к замочку, надо было найти золотой ключик доверия, попросить испугавшуюся травмированную душу открыться и оправдать ее доверие, помочь внутреннему миру снова стать солнечным, ярким и готовым к приключениям под названием «жизнь».

Она сидела в кабинете и в ожидании своего маленького пациента перебирала детские рисунки, которые уже не умещались на стенах.

Сколько чувств, боли, радости, счастья заложено в них! А на первый взгляд они могли показаться просто каляками-маляками.

Каляки-маляки. Вспомнив эти слова, Софья невольно улыбнулась и отвела взгляд на окно. По нему стекали крупные капли дождя. Сквозь приоткрытое окно апрельский дождь наполнял кабинет свежестью просыпающейся после зимнего сна природы, пением птиц и ни с чем не сравнимым ароматом мокрых молоденьких листочков, только начинающих распускаться и раскрашивать серый город сочными весенними красками...

Это было уже так давно – восемь лет назад. Она сидела за столиком в уютной хипстерской кафешке и, как сейчас, любовалась крупными струями дождя, которые с характерным шумом, стремительно бежали по стеклу. Слушая его музыку и попивая горячий шоколад, она чувствовала себя невероятно умиротворенно и уютно. На столе остались лежать разбросанные разноцветные карандаши и несколько белых листов бумаги. Ей вдруг захотелось что-нибудь нарисовать, и вскоре на белом листе развернулась радуга, появились маленькая принцесса в короне, как любят рисовать все девочки в детстве, и рыцарь на белом коне, скачущий к своей даме сердца. Посмотрев на рисунок и немного подумав, она взяла желтый карандаш

и дорисовала коню рог, преобразив его в сказочного единорога. В этот момент над Софьей склонилась чья-то фигура, и приятный мужской голос неожиданно произнес:

– Какая замечательная каляка-маляка! Я узнал в этом каляке на рогатом коне себя, а Вы, видимо, та самая маляка в короне?

Не ожидая приглашения присесть, незнакомец прыгнул на стул перед ней и широко улыбнулся.

От такой неожиданности она искренне рассмеялась.

– Михаил, – сказал он и протянул ей три тюльпана, появившихся, словно из воздуха, в его руке.

– Софья, – ответила она, принимая цветы.

– Я хочу узнать о Вас как можно больше, прекрасная принцесса – маляка! – обезоруживая своей милой улыбкой и поправляя небрежно спадающие на лоб отросшие волосы, сказал он.

– Тогда расскажите мне о себе, принц – каляка! – принимая игру, сказала она в ответ.

– С удовольствием! Я музыкант, который только что обрел свою Музу. Вы любите музыку, Софья? – спросил Михаил.

– Конечно! Разве можно не любить музыку? – удивилась она.

– Тогда я смогу многое Вам показать, ведь впереди у нас целая жизнь, и каждый день нам предстоит открывать всё новые мелодии вместе! Хотите, я сыграю для Вас прямо сейчас? – неожиданно спросил он и, не дожидаясь ответа, вскочил со стула.

Взяв скрипку и подсоединив ее к своей акустической системе, он начал играть «Времена года» Антонио Вивальди в современной рок-аранжировке.

Софья с замиранием сердца слушала его виртуозное исполнение и неотрывно смотрела на этого человека, который, подобно снежному вихрю, неожиданно ворвался в ее жизнь.

Так началась их прекрасная история любви.

Михаил был таким человеком, который умел раскрашивать яркими тонами любой, даже самый пасмурный день. Его наполняло такое количество внутреннего света, которого хватало с лихвой, чтобы обогреть всё и всех вокруг. Порой казалось, что в его силах пройти под проливным дождем и не намочнуть, накрывшись волшебным зонтом, невидимым глазу. О таких людях обычно говорят, что они одарены внутренней харизмой, чем-то неуловимым и невидимым, но с первой минуты они притягивают других людей к себе. Михаила часто приглашали на различные мероприятия, будь то светские рауты или неформальные вечеринки. Он всегда брал с собой Софью. Ему удавалось найти общий язык с любой аудиторией, причем он не утрачивал свою индивидуальность, принимая правила игры того или иного общества, напротив, он оставался собой, просто открывая ту или иную грань своего внутреннего алмаза. На светских раутах им приходилось общаться с интеллектуалами, и Михаил с первой фразы умел завоевывать уважение незнакомых людей своей манерой вести непринужденный, но вместе с тем рассудительный диалог. У него всегда имелась своя точка зрения на многие обсуждаемые проблемы, затрагивающие современное общество. При этом он умудрялся настолько деликатно и с юмором озвучивать свою точку зрения, что даже заядлые оппоненты и спорщики поддерживали его задорный настрой и переключались на более легкие темы, далекие от политики, толерантности и философии. Миша любил везде появляться с Софьей, и она с радостью составляла ему компанию, если позволял ее рабочий график.

С ним Софья словно открывала новый для себя мир, учась мыслить еще объективнее, чем раньше. Она познавала не изведенные ранее струны психики людей, не переставая отмечать для себя (как для практикующего психолога), насколько подобные жизненные испытания меняют жизнь людей, одних трансформируя, мобилизуя и приводя к успеху, других же, напротив, совершенно лишая воли и вкуса к жизни.

Михаил никогда не расставался со своей скрипкой. И не один их поход не обходился без того, чтобы под бурные приветствия публики он не начинал играть. Софья очень любила смотреть на своего любимого в эти минуты. Когда играл, он погружался в иной мир, даря свою музыку всем присутствующим, но его душа парила где-то очень высоко. На его лице эмоции сменялись одна за другой, вторя мелодии скрипки.

Люди затихали, наслаждаясь его виртуозным исполнением. Абсолютную тишину не нарушали ни разговоры, ни звук посуды, настолько его игра магнетическим образом захватывала всех без исключения. Публика долго не отпускала его, и он, повинаясь ее желанию, играл снова и снова. Наконец, заканчивая, улыбался своей замечательной юношеской улыбкой и, желая всем прекрасного вечера, просил отпустить его, так как его любимая женщина уже заждалась. В этот момент внимание публики концентрировалось на Софье, и ей не оставалось ничего другого, как мило улыбаться, всякий раз смущаясь от чрезмерного внимания людей.

Иногда, к их общему сожалению, расставаться всё-таки приходилось, когда Михаил уезжал на гастроли. Он был солистом в известной группе Viva, которую часто приглашали на свои площадки известные европейские клубы, кроме этого, группа ездила в турне с симфоническим оркестром. Если выдавалась возможность, Софья прилетала к Михаилу на выходные в Вену, Прагу, Париж. Эти выходные для них всегда были сказочными. И для своей маляки, как он ее ласково называл, он старался наполнить мир магическим сиянием.

Софья успешно защитила диссертацию на тему: «Использование музыкальной терапии при выведении детей из посттравматического синдрома». Ее научный руководитель остался очень доволен проделанной работой. Он помог ей попасть в клинику, в которой она и продолжала теперь работать, устроив собеседование с главным врачом – Степаном Филипповичем Шапошниковым, с первой встречи с которым у Софьи сложились гармоничные отношения.

Она вышла из клиники радостная, наполненная предвкушением предстоящей работы. Уже с понедельника она приступит к своим служебным обязанностям психотерапевта клиники. Ей не терпелось позвонить Мише и поделиться с ним чудесной новостью. Соня уже собиралась набрать его номер телефона, но он, словно почувствовав это, позвонил первым.

– Как твои дела, маляка? Пятерку поставили? – шутливо спросил Михаил.

– Да! – радостно ответила она, – и на работу в клинику приняли.

– О! Да ты у меня просто умница! Я забронировал тебе билет на самолет, и уже через четыре часа ты должна вылететь в Вену, – сообщил ей Миша.

– А как же я успею? – в растерянности спросила она.

– Успеешь, маляка! Ты же у меня молодец, – без тени сомнения ответил он.

Включив режим автопилота, она действительно всё успела: и приняла душ, и нанесла красивый макияж, и сделала прическу. А так как внутреннее предчувствие ей кричало всем своим Я, что вечерний наряд просто необходим, Софья захватила и красивое вечернее платье, которое было куплено для особо торжественного случая и терпеливо дождалось его в дальнем углу шкафа.

Когда она вышла в зону прибытия, ее сердце запрыгало от счастья. Михаил дождался ее с огромным букетом цветов. По хитрому выражению его глаз Софья поняла, что он что-то замышляет, и, будучи «психологиней» со стажем, предположила, что именно сегодня – на день Святого Валентина – не исключено получить предложение руки и сердца. В ее голове уже прокручивались сценарии того, как всё будет происходить. Размышляя над тем, стоит ли ей сразу сказать восторженное «да!» или немного покривляться перед тем, как всё равно сказать «да!», но минутой позже, она почти бежала к Мише, который, увидев ее, расплылся в радостной улыбке и, распахнув объятия, быстро двигался ей навстречу.

Расцеловав ее и вручив букет, он спросил:

– Ты голодна?

– Совсем немного, – ответила она.

– Осталось потерпеть совсем чуть-чуть, – заговорщически сказал Михаил.

– Мы идем в ресторан? – поинтересовалась Соня, – ты так нарядно одет! Выглядишь прекрасно.

– Не обращай внимания, – поспешил оправдаться Миша, – я же после концерта в опере. Сейчас глубокая ночь, и у меня не было возможности переодеться, бежал встречать свою любимую маляку, – добавил он и чмокнул ее в нос любя.

Так как Софья уже давно пребывала в гармонии со своим внутренним Я и интуиция ее никогда не подводила, она решила забежать в дамскую комнату прямо в аэропорту и переодеться в свое шикарное платье, которое долго ждало своего триумфального выхода.

– Подожди минуточку! – с этими словами она забежала в туалет и, прибегнув к помощи других дам, облачилась в свое серебристое платье с открытой спиной, которое, как никогда, подчеркивало все ее прелести. Да, глядя на себя в зеркало, Софья ощущала себя богиней. Всё-таки как преображает женщину взаимная любовь. Ее лицо светилось счастьем, глаза сияли, а пайетки на платье переливались мерцающим блеском, придавая ее образу сказочный шарм.

– You are so beautiful! – услышала она искренние одобрения двух туристок.

– Thank you! – ответила Софья, удовлетворенная своим отражением в зеркале, и, словно бабочка, выпорхнула навстречу своему мужчине.

– Ты просто сногшибательна, моя королева! – смотря на Софью глазами, полными восторга, сказал Миша, – как же мне повезло!

– Я просто подумала, если ты не успел переодеться, то почему бы мне этого не сделать! – ответила она, игриво поцеловав его в губы.

Они ехали по ночной магической Вене, держась за руки. Между ними царил такая невидимая внутренняя связь, что они даже не нуждались в разговорах, а просто молча наслажда-

лись друг другом. Софья и не заметила, когда они успели подъехать к знаменитому венскому парку Пратер.

Миша тихонько спросил:

– Сонечка, можно я завяжу тебе глаза?

Не сомневаясь ни минуточки, она ответила:

– Да!

Он завязал ей глаза, затем помог выйти из машины и, подхватив на руки, куда-то понес. Вскоре он остановился и поставил ее перед собой.

В этот момент Софья замерла в предвкушении, чувствуя рядом неестественную тишину, возникающую обычно при скоплении людей, которые стараются сохранить ее искусственно.

– Готова? – спросил Михаил.

– С тобой всегда! – с нескрываемым волнением ответила Софья.

Внезапно повязка упала, и перед ее взглядом предстал Симфонический оркестр, за которым медленно вращалось старинное обзорное колесо Пратера, завораживающее своими огнями. Скрипачи в одно мгновение ударили смычками по струнам, и полилась волшебная музыка Антонио Вивальди, как в первый день их встречи. Мелодия наполняла ее сердце, слезы радости застилали глаза, и она ощущала себя на седьмом небе от счастья.

– Сонечка! Ты позволишь мне стать твоим Ангелом-Хранителем и оберегать и любить тебя всю твою жизнь? – спросил Михаил, поднеся ее руки к своим губам.

– Да! – в это же мгновение, не размышляя ни минуты, ответила она, чувствуя, как все сказочные бабочки, мирно дремавшие у нее в животе, восторженно воспарили в ночное небо, раскрасив его яркими брызгами.

Замерев в объятиях друг друга, они поднимались на колесе всё выше и выше, звуки музыки становились всё тише, и целый мир принадлежал только им двоим. Если можно потрогать, почувствовать, вкусить счастье каждой клеточкой своего тела, это именно то чувство, которое они испытывали сейчас. Они были благодарны Вселенной за этот бесценный подарок, которым она одарила их, переплетя две судьбы в одну чуть меньше года назад в той маленькой хипстерской кафешке...

– Софья Андреевна! – вдруг услышала она детский голос, который заставил ее выйти из воспоминаний и посмотреть на девочку. Это была Анечка – совершенно чудесная девочка, которая регулярно приходила к ней на прием вот уже на протяжении года. Она совсем подружески подошла и обняла Софью. В глазах ребенка проскользнуло искреннее сочувствие.

– Вы плачете, Софья Андреевна? Кто Вас расстроил? – спросила Анечка.

Только сейчас Софья ощутила, что ее лицо мокрое от слез. Улыбнувшись ребенку, она ответила:

– Анечка! Не всегда слезы могут означать печаль и тоску, очень часто они бывают слезами радости и умиления. Когда человека переполняют радостные эмоции, он смеется, но иногда и плачет. Сегодняшний дождь напомнил мне очень трогательный и добрый момент в моей жизни, и моя душа просто подпела музыке дождя. Понимаешь?

– Кажется, да! – серьезно ответила девочка.

Анечке было всего семь лет, когда трагически погибли ее родители. Девочка росла в чудесной семье. Родители очень любили ребенка, но при этом оставались неисправимыми альпинистами-экстремалами. В один миг жизнь девочки изменилась. Бабушка Анечки – Клавдия Семеновна – много лет преподавала в МГУ и сейчас активно продолжала заниматься научной деятельностью. До трагедии она редко общалась с внучкой, поэтому им пришлось узнавать друг друга по-настоящему только сейчас. Анечка и Клавдия Семеновна периодически приходили на занятия к Софье Андреевне. Девочка показывала ей свои рисунки, и Софья понимала, что внутренний мир Анечки стал устойчив, ребенку удалось снова обрести целостность. Клавдия Семеновна была из тех волевых и дисциплинированных женщин, которые одним своим

видом внушают страх студентам. Перед экзаменами у таких преподавателей студенты обычно не спят несколько ночей, заучивая всё то, что надо было делать на протяжении семестра, потеряв всякую надежду списать или применить другую изобретательность. Стальной внутренний стержень, который с годами только крепчал, и доброе сердце, которое было долгие годы закрыто, чтобы не получить очередную порцию боли от жизни, характеризовали внутренний мир этой женщины.

Софье стоило колоссальных усилий, чтобы скорректировать ее систему убеждений и переубедить в том, что сердце дано человеку не для того, чтобы закрываться, а, наоборот, дарить миру свою любовь, ничего не ожидая взамен.

Внутренняя боль и обида на сына, устроившего свою жизнь не с той, и поэтому погубившего свою карьеру, статус и в конечном итоге жизнь, которые Клавдия Семеновна долгое время носила глубоко в душе, никак не могли покинуть ее, и когда, наконец, Софье удалось справиться с этим разрушающим убеждением, женщина начала жить.

С Анечкой всё было намного проще. Девочка была от природы одарена, поэтому через рисунки Софья смогла проработать с ней все существующие болевые блоки и навсегда с ними расстаться. Она была уверена в том, что эта девочка вырастет счастливым и успешным человеком и трагедия, которую ей пришлось пережить в детстве, никогда не омрачит ее будущего. Родители останутся в сердце Анечки лишь светлым воспоминанием детства, а боль потери никогда не напомнит о себе в будущем.

– Здравствуйте, Софья Андреевна! – несколько запыхавшись, поздоровалась бабушка Анечки, – пока дошла, эта егоза уже забежала, не стала бабушку ждать.

– Рада Вас видеть, Клавдия Семеновна! Рассказывайте, как у вас с Анечкой дела? – спросила Софья.

– Бабушка, можно я первая! – ласково, не дав бабушке опомниться, начала внучка.

– Можно, солнышко! – ответила бабушка, с теплотой посмотрев на Анечку.

– Мы с бабушкой пошли на танцы. Теперь я умею садиться на шпагат, и моя учительница очень меня хвалит, говорит, что я могу стать настоящей танцовщицей, – тараторя, спеша поскорее поделиться своими достижениями, сообщила девочка.

– Умница, моя! – сказала Софья, погладив Анечку по голове, – главное, чтобы ты этого хотела и тебе это нравилось!

– Да, да! Мне очень, очень нравится! Бабушка, докажи! – попросила внучка.

– Доказываю! – улыбаясь, ответила Клавдия Семеновна.

– Мне остается пожелать бабушке такого же энтузиазма, как у тебя Анечка, и здоровья, чтобы водить тебя на занятия, – сказала Софья.

– Это да, потому что мы еще и на рисование пошли, а в следующем году я обязательно пойду в музыкальную школу и буду учиться игре на фортепиано. Искусство делает человека духовно богатым и наполняет его жизнь любовью! – на одном дыхании выпалила Анечка.

Софья с бабушкой вместе засмеялись.

– Анечка, это ты сама поняла или бабушка так говорит? – спросила сквозь смех Софья.

– Нет, Софья Андреевна, это я сама поняла, когда мы с вами танцевали и рисовали. Это было так здорово! Когда мы в следующий раз так с вами потанцуем? – сначала воскликнула, а потом спросила девочка.

– Скоро, Анечка! Ты снова придешь ко мне домой, и мы обязательно с тобой потанцуем! – ответила Софья и попросила, – а теперь покажи мне свои рисунки.

– Сейчас! – воодушевленно сказала девочка и принялась раскладывать свои рисунки и комментировать всё, что на них изображено.

– Вот здесь я – балерина, танцую на сцене, а вокруг солнце, птицы, травка. А вот бабушка рядом улыбается, а это мои друзья. Это Павлик, это Маша, а это Рома, – ткнув пальчиком в яркого оранжевого человечка, добавила она.

– А почему Рома такой оранжевый? Он рыженький? – не удержалась и спросила Софья.

– Нет! – ответила Анечка, искренне удивленная ее предположением, – он просто очень добрый и веселый, как солнышко!

– Тогда понятно! И что же я сразу не поняла. Анечка, подари мне этот рисунок, пожалуйста! Я повешу его на стене, – попросила Софья, взяв в руки тот самый рисунок с оранжевым мальчиком.

Анечка подняла глаза, сосредоточенно посмотрела по сторонам и сказала:

– Софья Андреевна! На стенах больше нет места. Чтобы повесить мой рисунок, придется снять со стены рисунок другого ребенка, – рассуждала она.

– Нет, Анечка! Не придется. У меня для всех ваших рисунков найдется место. А твой рисунок я повешу у себя дома. Когда ты придешь ко мне домой танцевать, я тебе его покажу! Обещаю! – пообещала девочке Софья.

– Хорошо. Тогда дарю! – с улыбкой на лице сказала Анечка и протянула ей свой рисунок.

– Софья Андреевна! Вас ждут в отделении, – тихонько заглянув в кабинет, обратилась медсестра.

– Скоро буду! – ответила Софья.

– До встречи, мой маленький дружок! – сказала она Анечке и обняла девочку.

– До встречи, моя добрая фея! – шепнула ей на ушко Анечка и чмокнула в щеку, чем окончательно растрогала Софью.

– Спасибо Вам за всё, Софья Андреевна! Нам очень повезло, что Вы у нас есть! – добавила бабушка.

– Спасибо Вам, Клавдия Семеновна, за Вашу теплоту, – поблагодарила растроганная Софья...

Глава вторая

Как правило, Софья возвращалась домой всегда поздно. Когда она включала свет, всюду на нее смотрели рисунки ее детей. Некогда белые стены квартиры пестрели всевозможными шедеврами. Авторов всех работ Софья помнила по именам и видела истории жизни в каждом движении кисти. В одних рисунках явно была видна боль, в других сквозили страх и потеря, одни кричали о помощи, другие пылали ненавистью на весь злой и страшный мир. Были и диаметрально противоположные рисунки – наполненные радостью и счастьем. Цветы, солнце, радуги, единороги, и, конечно же, всевозможные принцессы и бабочки наполняли ее спальню, в которой вот уже два года она ложилась спать одна.

Сейчас Софья рассматривала рисунки и прислушивалась к звукам проезжающих по улице машин. Никак не удавалось уснуть. Она вновь вспомнила Михаила и тот страшный день, который разлучил их навсегда...

Прошло два года со дня их свадьбы. Михаил уже вторую неделю гастролировал со своей группой по Северному Кавказу, Софья, как обычно, работала в клинике. Этот день выдался очень тяжелым для нее, и, вернувшись с работы, она сразу же провалилась в глубокий сон...

Они поднимались на том самом колесе обозрения в Вене. Миша играл ей какую-то прелестьную мелодию на скрипке, а она умиротворенно слушала, прикрыв глаза от наслаждения. Вдруг внезапно налетевший ураган стал одну за другой обрывать стропы колеса, кабинка мгновенно перевернулась, и они зависли над бездной.

Она успела ухватиться рукой за дверцу кабинки, а второй пыталась удержать мужа.

– Не держи меня! Держись сама и сохрани ее! – сказав эти слова, он вложил в ее руку скрипку, а сам стал стремительно падать вниз...

Она вскочила с постели с застрявшим в горле немым криком, разрывающим грудь. Немного отдышавшись и выпив стакан холодной воды, дрожащими руками она набрала номер телефона мужа.

Его номер телефона не отвечал. Софью не покидало нарастающее чувство тревоги. Нервно прохаживаясь по комнате из угла в угол и сжимая в руках телефон, она машинально включила телевизор и тяжелым мешком осела на диван. В утренних новостях показывали сюжет об авткатастрофе, в которой несколько часов назад погибли все участники известной группы Viva. Журналист эмоционально рассказывал о том, что, двигаясь по заснеженному серпантину, водитель не справился с управлением. Остальное Софья уже слышала сквозь увеличивающийся ватный туман, который окутывал ее всё больше и больше, окончательно взяв над ней контроль и погрузив в полную темноту... Казалось, эта темнота никогда не пройдет. Боль потери не давала ей думать. Всё происходило как будто не с ней. Видимо, из-за таблеток, которыми ее заботливо поила Жанна – близкая подруга-психотерапевт, она ничего не чувствовала, а просто выполняла то, что необходимо было сделать. Когда все официальные мероприятия прошли, Софья просто закрылась от всех в своем мире, попросив подруг и близких не мешать ей проститься с мужем так, как считает правильным она, без их заботливого участия.

Непроходящая боль потери переполняла ее, Софья не знала, как справиться с ней. Она не в силах была применять на себе различные психологические практики, точнее сказать, просто не могла и не хотела. Растрепанная и с потухшим взглядом, Софья сидела на диване, с ненавистью уставившись на скрипку, которая вопреки всему выжила, не получив ни одной царапины даже на футляре.

Софья подскочила с дивана и, резко выхватив скрипку из футляра, намеревалась расколоть ее об пол, но в последний момент опомнилась и, скатившись на пол, тихо заплакала, нежно поглаживая и целуя скрипку. Потом Софья бережно положила ее в футляр и отнесла

в Мишину комнату – студию звукозаписи. Она тихонечко включила один из его винилов и, надев наушники, откинулась в кресле.

Ее сон был настолько реальным, что она запомнила досконально каждую мелочь. Михаил сел рядом с ней на краешек кресла и, погладив по свалывшимся волосам, нежно поцеловал и сказал.

– Ну, что ты маляка, маляка! Разве же можно так себя изводить? Посмотри, что за ужасный вид кругом! Стыд и срам!

Прижимаясь к нему всем своим телом, Софья бормотала сквозь слезы:

– Мишенька, я так тоскую по тебе, я просто измучалась, я не знаю, как дальше буду жить без тебя.

– Ты будешь жить долго и счастливо! – заверил он, – я всегда рядом с тобой и всегда тебя поддержу! Верь в это! А теперь вставай!

Миша схватил ее за руку, резко вытянул из кресла и сказал:

– Эх ты, маляка! Чтобы завтра же здесь всё сверкало чистотой! Понятно?

– Понятно! – послушно ответила Софья, продолжая еле слышно всхлипывать.

– Смотри! – Михаил показал ей на стены, и она увидела на них развешанные белые листы бумаги.

– А теперь сюда! – показал он на стол, где стояли все ее краски.

– А теперь включай музыку, а я подыграю на скрипке, – произнес Миша.

И он стал играть «Шторм» Антонио Вивальди.

Какое-то время Софья стояла и молча слушала.

– Танцуй, маляка! – подмигнув ей, сказал Михаил, – летай подобно бабочке, дари миру свой свет и свою любовь!

Повинуясь его магнетическому голосу и ритмичным звукам музыки, Софья закружилась – сначала медленно, потом быстрее, еле слышно подпевая. Затем, взяв кисти, она стала поочередно опускать их в краски и яркими мазками раскрашивать стены студии.

– Умница! – услышала Софья и, оглянувшись посмотреть на любимого мужа, увидела только его скрипку со смычком, которые он оставил лежать на столе...

Она проснулась на полу в студийной комнате. Тихо играла одна из Мишиных записей. Софья смотрела на расписанные ею стены студии. Здесь были и птицы, летящие вдаль, и бабочки с громадными крыльями, и дерево, которое молния разрубила надвое, и закат солнца над морем, и просто разлитые волнами краски.

Посмотрев на всё вокруг, Софья поняла, что живет, и это прекрасно и удивительно! Человек, которого она очень любила, навсегда остался в ее душе и сердце и снова подарил ей ощущение счастья. Это был первый день ее новой жизни, когда Софья снова смогла творить и поняла, что дальше будет только сильнее стараться помогать людям вновь обретать потерянное состояние счастья, учить их снова доверять миру и людям, творить, любить и быть любимыми.

Мишина студия звукозаписи вдохновляла Софью снова и снова, так как она видела всё больше положительных результатов своей авторской методики, по которой занималась со своими маленькими пациентами. Вначале Соня заходила в комнату вместе с ребенком и просто включала музыку. Акустическая система в студии была просто потрясающей, а классическая музыка в рок-аранжировке задействовала в мозге тета-волны, иными словами, его творческие частоты, способствующие выработке эндорфинов, которые выступали естественными блокаторами депрессии. Если, приходя к Софье на консультации, просьбу нарисовать рисунок дети воспринимали как необходимость, и, как правило, их рисунки не пестрели яркими красками, а, наоборот, были в мрачных тонах, то в студии дети сами проявляли инициативу и спешили сами взять в руки кисти. Очень часто в процессе творчества они бросали кисточки и полностью окунали свои руки в краску – настолько, насколько это было возможным, а потом создавали ими удивительные образы. Причем одновременно дети танцевали и совсем скоро начи-

нали искренне и радостно смеяться. Это было самое удивительное в терапии, ведь в жизни нет ничего чудеснее детского смеха. Они были по-настоящему счастливы, и каждый момент их первого за долгое время настоящего смеха, исходившего из души, Софья переживала вместе с ними, и каждый раз это было для нее истинным счастьем, вызывающим слезы умиления.

Взрослые люди не сильно отличались в терапии от детей. Единственным отличием было время. Если детям для полного исцеления и перенастройки на новую позитивную программу жизни требовалось несколько сеансов, то у взрослых позитивный сдвиг несколько затягивался, но всё равно не заставлял себя долго ждать.

Самым прекрасным и удивительным было то, что все дети, которых Софья ласково называла «мои», потом проявляли стремление к искусству. Наблюдая за их дальнейшей жизнью и развитием, она отмечала, что они все без исключения продолжили занятия в музыкальных школах, школах искусства или танцевальных студиях. Стремление к обучению в школе у них также выросло, с уроками они справлялись гораздо быстрее и легче, чем раньше, усвоение материала улучшалось примерно на тридцать-сорок процентов.

Первым взрослым пациентом Софьи оказался Григорий Васильевич Радужкин. Несмотря на свою, казалось бы, радужную фамилию, он был очень серьезным, можно сказать, суровым человеком. Они познакомились в клинике. Он и его дочка лежали в больнице после автокатастрофы. У девочки были сотрясение мозга и перелом руки, у него – перелом ключицы. Счастливая и отдохнувшая семья возвращалась после отпуска из Сочи. Григорий Васильевич – успешный бизнесмен, он мог бы себе позволить отдых с семьей в любой точке мира, но вот его любимая жена Ирочка с детства боялась авиаперелетов. Как только он завел разговор о возможном путешествии на самолете, у той сразу случалась тихая истерика. В конечном итоге, Григорий Васильевич решил оставить затею переубедить жену в безопасности перелетов, а выбрал альтернативный отдых в России. Ирина чувствовала себя комфортно и уверенно, когда за рулем был ее муж, поэтому в поездки они любили отправляться на своем джипе Cadillac Escalade, предпочитая на отдыхе переезжать с места на место. В ту ночь они уже подъезжали к Москве. Никто не мог и предположить, что с впереди идущей фуры слетит плохо закрепленная труба и упадет на правую часть машины. Ирина так и не поняла, что случилось. Все в этот момент крепко спали: Лизонька на заднем сиденье, а Ирина, которая всегда старалась развлекать мужа в поездке незатейливой болтовней, чтобы он не уснул, задремала в самом конце пути...

Григорий Васильевич был очень доволен тем, как Лизонька восприняла духом и снова стала активно общаться со сверстниками, изъявила желание заниматься эстрадным вокалом и танцами, но вот он никак не мог простить себе гибель жены, обвиняя себя в случившемся. Так сложилось, что они с Софьей подолгу беседовали за чашкой чая, когда он привозил Лизу к ней на терапию. И вот однажды поздно вечером, когда она уже собиралась ложиться спать, он позвонил и, трижды извинившись, попросил о встрече.

Софья согласилась. Ее внутреннее правило было следующее:

«Я никогда не в праве отказать в помощи нуждающемуся – ни днем ни ночью».

Григорий Васильевич пришел в тот вечер совсем удрученный, сутуловатый. Казалось, навалившийся на его плечи груз был уж слишком тяжел, чтобы нести его дальше с расправленными плечами и с высоко поднятой головой. Красные глаза и двухдневная щетина были признаками бессонной ночи в раздумьях и напряженных рабочих дней, а подчеркнутые темными кругами его карие глаза казались совсем черными.

– Простите меня, Софья Андреевна! – начал он разговор, – но мне просто необходимо было Вас увидеть и поговорить с Вами.

– Всё хорошо! – мягко ответила она и пригласила его войти.

– Может, чаю? – спросила Софья.

– С удовольствием! – согласился Григорий Васильевич.

– Софья Андреевна! Никак меня не отпускает чувство вины. Если бы я не был уставшим в тот момент, возможно, я успел бы маневрировать, и Ирина осталась бы жива. Если кто-то из нас и должен был погибнуть, то лучше бы это был я, – сказал он.

В его глазах Софья уловила глубокую печаль.

– Григорий Васильевич! Вы ни в чем не виноваты, случилось то, что должно было случиться. И я уверена, если бы любившая Вас всем сердцем Ирина сейчас увидела бы Вас в таком состоянии, это причинило бы ей невыносимую боль. Вы должны отпустить ее и перестать заниматься самоедством, Вы сами испепеляете себя изнутри. Так больше не должно и не будет продолжаться! – уверенно зная, что дальше делать, ответила Софья.

Она зашла в спальню и открыла шкаф. На дальней полке лежали аккуратно сложенные вещи Михаила. Достав футболку и шорты, она подошла к Григорию Васильевичу и тоном, не допускающим никаких возражений, сказала:

– Переодевайтесь, нам с Вами предстоит бессонная ночь.

Он лишь молча посмотрел на нее и, не задавая лишних вопросов, удалился в ванную. Тем временем Софья быстро завязала волосы, переделась в свой комбинезон, раскрашенный всеми цветами радуги, и с улыбкой открыла дверь волшебной комнаты.

– Вперед! – пригласила она Григория Васильевича войти.

Вначале он просто стоял и слушал музыку. В это время Софья, делая вид, что не обращает на него внимания, кружилась, выводя на ватманах причудливые узоры. Через какое-то время он начал плакать так по-настоящему искренне, как плачут дети, когда им больно, не пытаясь этого скрыть от окружающих. Всё его лицо было мокрым от слез.

Она подошла к нему, взяла за руки и сказала:

– Закройте глаза и постарайтесь отпустить все мысли, позвольте своему подсознанию делать сейчас то, что хочет оно.

Григорий Васильевич закрыл глаза, а Софья, держа его за руки, стала плавно раскачивать под музыку то в одну, то в другую сторону. Когда мелодичное соло скрипки сменилось кульминационной вспышкой оркестра, она крикнула и повелительно сказала:

– Кричите громко, как только можете!

Сначала это было похоже на тупой, пронизанный болью горловой стон, но потом Григорий Васильевич закричал настолько громко, что его крик заглушил музыку, затем он стал рыдать в голос, а Софья взяла его руки, опустила в краски и почти приказала:

– Рисуйте под музыку всё, что хотите сказать! Рисуйте!

Первые несколько движений они сделали вместе, потом Григорий Васильевич стал размахисто, неконтролируемо прикасаться руками к ватману, оставляя на нем следы своих ладоней. Когда краска почти сошла с его рук, он подошел, опустил их в банку с черной краской и стал словно вытирать их о ватман, воссоздавая сплошное черное пятно, лишённое белых промежутков. На смену черной пришла алая краска, брызгами растекаясь по создаваемой картине. Григорий Васильевич начинал двигаться всё более ритмично, его дыхание при этом становилось всё более учащенным. В этот момент, словно вторя музыке и повторяя за ним, Софья стала делать динамичные вдохи и громкие выдохи с криками «хо!». Он непроизвольно стал повторять за ней. Подойдя к краскам, Григорий Васильевич вновь хотел опустить руки в банку с алой краской, но буквально через секунду потянулся к банке с голубой краской, которая стояла рядом. Он опустил руку в краску, а потом какое-то время смотрел на кисть своей руки, которая стала ярко голубого цвета, на то, как вязкие капли краски стекают на пол. Григорий Васильевич улыбнулся сам себе и, опустив вторую руку в банку с желтой краской, подбежал к чистому белому листу, стараясь не упустить образы, которые возникли у него в голове. Он вдохновлялся всё больше и больше, когда на бумагу выливались яркие цвета – голубой, желтый. Случайным движением Григорий Васильевич смешал цвета и получился зеленый – цвет жизни. Ненадолго отвлекаясь, чтобы выбрать тот или иной цвет, он снова возвращался

к творчеству. Затем Григорий Васильевич взял в руки кисти и начал старательно прорисовывать деревья, траву, небо.

Софья смотрела на него, и слезы умиления выступали на ее глазах, ведь перед ней стоял маленький израненный ребенок, который запутался, заблудился, лишился тверди под ногами и просто не знал, как жить дальше. Страх и боль, которые читались в его глазах еще некоторое время назад и представляли собой самую разрушающую внутреннюю мир человека вибрацию, исчезли навсегда. Его глаза светились счастьем, он бросил взгляд на Софью и снова, сосредоточенно поджав губу, продолжил рисовать. Она видела в его картинах всё новые и новые образы – дороги, горы, море, солнце. Казалось, Григорий Васильевич не остановится никогда. Отходя ненадолго от картин, он танцевал, кружился под музыку и подпевал, отбивая ногами ритм. В какой-то момент он взял Софью за руки и закружил. Они кружились, громко смеясь, пока наконец-то просто не рухнули на пол, опрокинув сразу несколько банок с красками, которые, растекаясь, смешивались в причудливые узоры. Григорий Васильевич провел пальцами по разлитой на полу радуге, а затем по лицу Софьи. Не раздумывая ни секунды, она ответила ему тем же. Теперь они увлеченно раскрашивали лица друг другу.

Заиграла любимая песня Софьи, под которую она любила кружиться со своими маленькими девочками. Она поднялась с пола и начала танцевать. Ее движения были наполнены изяществом и грацией. Софья словно парила в воздухе, подобно прекрасной бабочке. Внезапно она поймала на себе взгляд уже не ребенка, а взрослого мужчины, в котором пробудилось желание жить и любить. Григорий Васильевич смотрел на нее взглядом, полным восхищения и любви.

Когда музыка доиграла, Софья незаметно нажала на кнопку и выключила аудиосистему. Терапия была завершена, а ее миссия выполнена. Если она продолжит, то рискует перейти грань между врачом и пациентом, что для нее было недопустимо, да и вряд ли она была к этому готова.

Софья улыбнулась и молча вышла, давая понять, что сеанс терапии закончен.

Принимая душ и отмываясь от краски, она находилась в прекрасном расположении духа, уверенная в том, что этой ночью они преодолели эмоциональный кризис. Первый тоненький лучик солнца коснулся ее лица, забежав поздороваться и приветствуя с началом нового прекрасного дня.

Софья и Григорий Васильевич выпили ароматный кофе, съели яичницу, и он отвез ее на работу. Уже прощаясь с нею возле клиники, он осторожно взял руку Сони в свои, нежно поцеловал ее и сказал:

– Спасибо Вам, Софья Андреевна, за всё! Вы вернули меня к жизни!

Я Ваш должник!

Аккуратно высвободив свою руку, она улыбнулась и произнесла:

– Вы никому ничего не должны, Григорий Васильевич! Просто живите и радуйтесь жизни, дарите эту радость своим близким людям!

Я очень рада была помочь! Искренне и от всего сердца.

Этот день выдался достаточно напряженным, но усталости она не чувствовала вообще. У нее всегда так происходило, если удавалось помочь пациенту, особенно – пройти эмоциональный кризис. После такого ее душа пела день напролет, и, только когда ухо прикасалось к подушке, она понимала, что устала.

Возвращаясь из отделения в свой кабинет, Софья встретила восхищенные взгляды медсестер.

– Здравствуйте, девочки! Вижу, настроение у вас прекрасное! Это здорово! – поприветствовала их она.

Одна из медсестер, Любочка, не в силах больше сдерживаться, решила первая сообщить Софье благую весть. Она подбежала к ней и эмоционально начала:

– Софья Андреевна! Там такое у Вас в кабинете.

Соня несколько насторожилась и обеспокоенно спросила:

– Что случилось?

– Там, – уже ей вдогонку продолжала Людочка, в то время как Софья почти бегом поднималась по лестнице, – цветы! Море! Нет, океан цветов.

Зайдя в кабинет, Софья замерла от восторга. Здесь не осталось свободного пространства – повсюду были розы. Белые, красные, желтые! Цветы наполняли своим ароматом ее кабинет, а солнечный свет делал это зрелище незабываемым. Софья увидела открытку, прикрепленную к висевшему в воздухе воздушному шару, открыла ее и с улыбкой вслух прочла:

– С благодарностью, Григорий!

Несомненно, ей было очень приятно получить такую благодарность от Григория, но она прекрасно понимала, что такой шикарный знак внимания оказан ей в первую очередь как женщине, а не как доктору. Теперь Софье предстояло деликатно сказать ему о том, что она не готова к формату личных отношений женщина – мужчина, и если его устроит, ей будет приятно общаться с ним за дружеским чаепитием, и не более.

Первым делом она позвала Людочку и подарила ей букет роз. Та расцвела и улыбнулась Софье.

– Спасибо, Софья Андреевна! Но ведь это Вам подарили, – попыталась возразить она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.